

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

Е. С. Кочухова, Е. И. Рабинович

Кочухова Елена Сергеевна (Екатеринбург, Россия) — кандидат философских наук, доцент кафедры философии Уральского государственного экономического университета, научный сотрудник Института философии и права УрО РАН;
Email: elenascause@yandex.ru

Рабинович Евгений Ильич (Екатеринбург, Россия) — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина;
Email: rabinovichevgeny@gmail.com

**КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ» ПОД ОТКРЫТЫМ
НЕБОМ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРК 1930х VS КЛУБНЫЕ САДЫ 1920х.:
СЛУЧАЙ СВЕРДЛОВСКА**

В статье рассматривается преломление идеалов паркового строительства в СССР рубежа 1920х-30х гг. при создании ЦПКиО в Свердловске. По материалам советских газет и справочников выявляются типичные практики организации отдыха в общегородских и клубных парках, прослеживается и проблематизируется критика этих практик. Описываются цели и задачи новых Центральных городских парков, метафора парка как «высокоорганизованного культурно-политического комбината» раскрывается через представление об отдыхе как производительной силе, которая восполняет ресурсы горожан и развивает их способности. Рассматривается воплощение этой метафоры в проекте Свердловского ЦПКиО. Формулируется предположение о причинах, поставивших под вопрос реализацию этого проекта, а также реконструируется программа, предлагавшаяся посетителям парка в первые годы его работы.

Ключевые слова: парк культуры и отдыха, центральный парк, советская повседневность, рабочий клуб, Свердловск, советская культура, городская культура 1930х, культура Урала

Е. Kochukhova, E. Rabinovich

Elena Kochukhova (Yekaterinburg, Russia) – PhD, Associate Professor at the Ural State University of Economics, Scientific Associate at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Email: elenascause@yandex.ru

Evgeny Rabinovich (Yekaterinburg, Russia) – PhD in Culturology, Associate Professor at the Department of Culturology and Socio-Cultural Activities of the Ural Federal University; Email: rabinovichevgeny@gmail.com

OPEN AIR "CULTURAL-POLITICAL COMPLEX": CENTRAL PARK OF THE 1930s VS CLUBS PARKS OF THE 1920s (THE CASE OF SVERDLOVSK)

This paper considers the breaking of ideals of parks building in the USSR (at the turn of the 1920s-30s) during the creation of the Central culture and leisure park in Sverdlovsk. On the base of the materials of Soviet newspapers the authors reveal the typical recreation practices in city parks and clubs. Criticism of these practices is investigated as an element of new cultural tendencies. The metaphor of "cultural-political complex" is revealed through the idea of recreation as a productive force that makes up and develops human resources. Goals and tasks of new Central parks correspond with the project of the Sverdlovsk's Central park. The reasons that raised the question of implementation of this project are shown. The authors reconstruct the program, offered to the Park visitors in the early years of its work.

Keywords: Leisure Park, Soviet everyday life, working club, Sverdlovsk, city culture of the 1930s, Soviet culture, Ural culture

Рубеж 1920х—1930х годов привлекает многих исследователей как поворотный период в советской культуре. В литературе, кино, живописи меняются изобразительные средства и появляются новые герои, формы организации культурного производства претерпевают трансформации, советскому человеку предлагаются новые ориентиры и способы аккультурации. Возникновение в этот период центральных парков в крупных городах СССР рассматривается нами как один из элементов выстраиваемой культурной политики. К. Кухер в своем исследовании московского ЦПКиО показывает, что новый парк транслировал идею формирования социалистического образа жизни и выступал работающим инструментом этого формирования — предлагая, таким образом, образец паркового устройства другим советским городам [10]. ЦПКиО Свердловска также задумывался как образцовый «культурно-политический комбинат», но какое сырьё он должен был переработать и справился ли с этой задачей? Какие практики организации паркового досуга существовали в Свердловске в период подготовки открытия ЦПКиО? Какое наследие новый парк обещал преодолеть и какой альтернативный сценарий предлагал? Были ли достигнуты цели паркового строительства в первые годы работы Свердловского ЦПКиО?

История возникновения Свердловского ЦПКиО практически не изучена. Наше внимание будет сосредоточено на рубеже 1920—1930х годов — времени разработки проекта парка и подготовки его открытия. Анализируя советскую прессу, сохранившиеся методические рекомендации по организации паркового досуга и архивные документы, мы вписываем историю ЦПКиО в контекст развития других городских парков и связанных с ними рабочих клубов, а также в контекст создания крупных центральных парков в городах Союза.

Города СССР в 1920-е—1930-е годы оказываются местом масштабного социального эксперимента по переработке крестьянских масс и созданию советского горожанина. Миграция крестьян в город, подстегнутая революциями 1917 года, первой мировой и гражданскими войнами, привела, как показывает К. Шлегель, к разложению рабочего класса — и «его исчезновение означало, что класс этот нужно было формировать заново. Это и произошло во время индустриализации 1920—1930-х годов» [32, с. 298]. Новый горожанин — уже не крестьянин и не мещанин, что влечет за собой особые отношения с природой и городом. В официальном новом советском мире, образ которого конструировался и транслировался медиа, город перестает быть местом, где возможны приватность, уют, материальное потребление и праздность,

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

это площадка для развертывания нового быта. Природа в городе должна быть окультурена специфически — это место не материального, но духовного производства и (или) необходимый элемент городской среды, существование которого обусловлено точными расчетами. Эта позиция укреплялась на страницах газет, плакатов, в резолюциях съездов. Однако горожане, помнившие дореволюционные нормы жизни, стремились соблюсти элементы старого быта, а новые горожане — вчерашние крестьяне — выборочно копировали его и приносили в свой новый быт элементы деревенского уюта. Все усилия радикально настроенных строителей нового быта по борьбе с «новым мещанством» (обобществление частной собственности, проекты коммун, расшатывание института семьи, изменение статуса женщин и пр.) не привели к значительным успехам — с середины 1930-х уют, комфорт, красивые вещи в доме, парадный облик зданий и площадей вернулись в города, вместе с официальным «правом» на досуг, праздность, нарядность («Жить стало лучше, жить стало веселее») [27]. Центральный городской парк становится одним из инструментов формирования нового городского порядка, в котором будет воспитан советский горожанин. Определяемое властью назначение центральных парков и образцовые проекты вместе кристаллизуют идею нового городского пространства, производящего — как комбинат — советского горожанина. Рекомендуемые программы работы парков содержат в себе детализацию способов и порядков этого производства. Региональные варианты наполнения парковой жизни, которые мы рассмотрим на примере свердловского ЦПКиО, дают примеры столкновения идеалов паркового строительства с традициями парковой культуры и организационными порядками.

Парки и клубы 1920-х в поисках культурности. Случай Свердловска

«Стать культурным» — императив советской жизни, который оформляется, согласно В. Волкову, в середине 1930-х годов, однако следует признать, что поиски ориентиров повседневной жизни начинаются раньше, и мы можем проследить трансформацию этого поиска. Действительно, «культурность» никогда не была четко сформулированным понятием, ни один руководитель партии или правительства не давал установок, как стать культурным» [5, с. 199], и восстанавливать наполнение образа культурного горожанина приходится по разрозненным материалам (для данной статьи произведен анализ визуальной продукции 1920—30-х годов, в первую очередь карикатур).

В 1920-е годы концепт «культурность» строится скорее на комплексе интуитивно понимаемых членами этого социума антикультурных признаков. Поскольку это культура модерна с четко проявленным пафосом разрушения и отрицания, то концепт культурности можно реконструировать как сумму того, что не является культурным. Признаки «некультурного» составят описание антикультуры, отталкиваясь от которого можно составить представление о «культурности».

Признаки некультурного гражданина таковы: вера в бога, посещение церкви, празднование церковных праздников; незнакомство (поверхностное знакомство) с трудами основоположников марксизма; злоупотребление алкоголем; склонность бить жену и/или детей; неопрятность в одежде и в быту; отсутствие (эпизодическое присутствие) навыков личной гигиены; несоблюдение принятых в городе норм приличия (склонность прочищать носовые пазухи на лестничной клетке, мочиться под забором, лугать семечки в кинотеатре и т.п.). Это модель поведения человека, не адаптировавшегося к жизни в городе, это антикультурный образ — отсутствие же описанных привычек и склонностей указывает на модель поведения

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

культурного горожанина.

В 1930-е пафос разрушения сменяется пафосом созидания. Культура 1 сменяется культурой 2[17]. Формируется новое понимание культурности, которую следует описывать уже не как сумму того, чем она не является, но как набор признаков культурного человека. Он дистанцирован от религии; знаком с этикетными нормами и следует им; опрятен, а порой и франтоват; не злоупотребляет алкоголем, но выпивает, когда это допустимо или предписано. Помимо этого, знаком с трудами основоположников марксизма-ленинизма; ежедневно читает газеты и знает о том, что происходит в стране и мире; следит за успехами в науке и технике; следит за новостями спорта и активно интересуется последним (в идеале — сам занимается спортом); интересуется советской литературой; знаком с классической русской литературой и музыкой; живо интересуется театром и кинематографом. Образ культурного горожанина вырисовывается более четко, представление о культурности расширяется и конкретизируется.

Парки и клубы выступают важным инструментом производства городской культуры, предлагают посетителям культурный продукт и задают правила его коллективного потребления, возвращая тем самым нового советского горожанина. Трансформации в понимании «культурности», смена способов её определения порождает сложности в работе клубов и парков – руководству этих учреждений придется понимать перемены интуитивно, выявлять их между строк резолюций собраний, газетных передовиц и инструкций.

Отсутствие четко прописанной категории «культурность» наряду с необходимостью руководствоваться её интуитивным пониманием в обеспечении культурной жизни горожан ставит парки и клубы в сложную ситуацию – они вынуждены делать явным неявленное. Они будут материализовывать в театральных постановках и всевозможных живых газетах невербализованное, улавливать «культурные веяния», на выходе трансформируя интенции и интуиции в готовый культурный продукт. В этих условиях клубы и парки (понимаемые как приклубное пространство) предстают не пассивным объектом политики в области культуры, претерпевающим смену властных указаний, но действующим инструментом производства культуры. Клуб и парк концептуализируют, производят и репрезентируют «культурность», работая на создание нового советского горожанина.

Рассмотрим структуру советских учреждений культуры 1920 — 30-х гг., чтобы понять место в ней садов и парков. Классические клубные формы 1920-х (когда в одном клубе объединены коллеги по работе (службе) и сами члены клуба могут активно влиять на клубную политику), в 1930-е претерпевают значительную формализацию. Укрупнение клубных структур, объединение людей не по профессиональному, но по унифицирующему географическому признаку, приводит к фактическому исчезновению признаков клубности, превращению рабочих клубов в монументальные ДК.

Структура учреждений культуры в 1920е гг.

• Партийный клуб	Парк как медирующее пространство
• Профсоюзный рабочий клуб	
• Рабочий клуб (при предприятии, заводе, фабрике, вузе и пр.)	
• Изба-читальня (и региональные варианты: красный чум, красная юрта, красная чайхана)	
• Красный уголок	

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

Структура учреждений культуры в 1930е гг.	
• Областной или окружной клуб, районный клуб (районный ДК)	Парк как медирующее пространство
• Рабочий клуб (пре предприятия, заводе, фабрике, вузе и пр.)	
• Изба-читальня (и региональные варианты: красный чум, красная юрта, красная чайхана)	
• Красный уголок	

Медирующая функция парка сохраняется — масштабные проекты, объединяющие различные клубные структуры, проводятся в парковых пространствах. Но, как и в случае с клубами, горожане теряют возможность напрямую влиять на программу парков. Остаётся только косвенный рычаг воздействия — «голосование ногами» — не посещение горожанами определённых мероприятий приведёт парк к убыткам, а руководство получит выговор за плохую работу с массами.

В 1924 году главными парками Екатеринбурга становятся *сад Комклуба (бывший Клубный)* и *Городской сад (бывший Харитоновский)*. В садах проводились гуляния, играл симфонический оркестр, работали летний театр и ресторан [25]. Согласно справочнику по Свердловску 1929 года, парков в городе одиннадцать. Среди них доминируют профсоюзные парки и парки при предприятиях (связанные с профессиональными и заводскими рабочими клубами): им. «Уралпрофсовета» (пл. Народной Мести); им. «Вайнера», (ул. Первомайская, 9); *Печатников* (угол ул. Ленина и Кузничной); *Союза Рабочих Связи* (Сибирский пр. на берегу р. Исети у Горбани); *при фабрике им. Ленина* (фабрика им. Ленина, городской выгон); *Союза Коммунальников* (ул. 8-го Марта); *Профсоюзов* (городской выгон, бывшая Генеральская дача) [24].

Летом 1928 года редакция газеты «На смену!» провела «Смотр свердловских садов»: работники и юнкоры отслеживали подготовку парков к летнему сезону и оценивали предлагаемый посетителям досуг. Эта серия публикаций является уникальным источником о жизни провинциальных парков конца 1920-х, особенно ценным в силу того, что зафиксировала их восприятие не профессиональной прессой, а вовлеченными в журналистскую работу горожанами.

Наибольшее одобрение получает сад Уралпрофсовета: по плану работы там две недели выступает цирковая труппа с балетными номерами, акробатами, жонглерами, клоунами, а после организуются гастроли оперного баритона и выступления вокального квартета; в программу вечера молодежи включены футбольное состязание, соревнования по городкам, крокету, баскетболу, волейболу, стрельбе, политлотерея, шахматные сеансы, эстрадные номера и танцы. Однако в целом о культурном отдыхе в саду Уралпрофсовета «не может быть и речи. Ведь нельзя же назвать культурой беспрестанное шатание по достаточно грязным аллеям, шатание бесцельное, нудное, лишённое всякого интереса и, в конечном счете, приводящее к знаменитому «пивному павильону» [22]. В других садах и парках города журналисты обнаруживают в основном пьянство. В саду им. Томского: «Буфет победил. К нему, наиболее значимому и видному во всем саду, на призывный стук биллиарда тянутся человеческие души с билетом профсоюза коммунальников» [14]. В саду «Серп и Молот» на Верх-Исетском заводе управление и руководителей кружков сместили за злоупотребление алкоголем. В книге предположений рабочие пишут, что «В сад "Серп и Молот" ходят только из-за выпивки» [21]. В саду им. Подбельского плохо поставлена культурная работа, не работают кружки и не играет духовой оркестр [23].

Рестораны и кафе в парках города критиковались как места, сохранившие преданность

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

буржуазным порядкам. Обнаружив в меню садовых ресторанов блюда с названиями «Лангет соус пикан», «Нуазет де мутон» и «Маришель из рыбы», журналисты уверенно заявляют — «среднему рабочему не по карману эти двухрублёвые соусы. Эти лангеты с соответствующими ценами вызывают и порождают пивные стремления <...> Вместе с массовым посетителем садов, к голосу которого надо прислушиваться, мы высказываемся против всевозможных лабарданов в рабочем саду. Мы ...высказываемся за простые родные котлеты ... за всё то, что обыкновенный, простой рабочий может купить без реального опасения за свой карман» [11].

Подводя итоги «смотра садов», свердловские журналисты особенно подчеркивают однообразие и скудость мероприятий, предлагаемых посетителям: «Главный недостаток работы садов, выявившийся в процессе смотра, — слабая постановка массовой работы. Отсутствие актива из посетителей сада, совершенная беспомощность по части экскурсий, лекций, бесед... Тенденция к сведению всей массовой работы к читальне и шахматам... Полнейшее отсутствие работы с молодежью и детьми во всех садах, кроме сада Уралпрофсовета.... В садах молодежь предоставлена самой себе... отсюда — хулиганство, "пивные стремления". В деле культурного обслуживания посетителя большинство садов ограничивается читальней или небольшой площадкой для крокета» [31].

«Смотр садов» критикует мещанские и буржуазные привычки горожан, и вместе с ними — парк как место развлечения, удовольствия, потребления. Бильярд и буфет не являются маркерами культуры.

Администрации парков реагируют на спускаемые сверху требования о проведении множества агитационных и просветительских мероприятий не самими событиями, но отчетами о них. Составляемые с учетом всех требований планы заведомо невыполнимы — у состоящих почти на самоокупаемости парков нет средств для их реализации. Неожиданным следствием этой симуляции становится то, что вызвало негодование у свердловской прессы: публика получила возможность отдыхать так, как ей хочется. Маловероятно, что большинство свердловчан мыслили отдых как коллективное пение или прослушивание лекций о рационализации производства. «Плохо поставленная» культурно-массовая работа позволила горожанам спокойно прогуливаться по аллеям, выпивать с друзьями, обниматься с любимыми или просто общаться. «Отдых» начал доминировать над «культурой» при попустительстве администрации парков и саботаже горожанами политпросвет мероприятий.

Другая причина упорного сопротивления «культуре» со стороны «отдыха» заключается в специфике экономики производства культуры в клубе и парке. Продажа алкоголя являлась одним из важнейших источников формирования бюджета парков. Содержание среднего парка обходилось в 1000 р. в месяц, а за аренду буфета администрация могла запросить до 6000 р. Это покрывало расходы, но не всегда прибыль доставалась парку — часто учредитель требовал передавать ему выручку. Как объяснил негодующим свердловским рабкорам извиняющийся за наличие буфета «зав. садом»: «Мне дают очень мало денег, но требуют, чтобы я работал с прибылью. Буфет и "помогает"» [26].

В отказавшемся от продажи алкоголя парке «Серп и молот» попробовали выжить за счет привлечения средств от выступлений приезжих артистов. После первой постановки выручили 57 рублей и заплатили артистам 300. 243 рубля пришлось компенсировать из «культурфонда» райкома металлистов [26]. Сад им. Большакова, отказавшись от продажи алкоголя, отказался и от приглашения профессиональных артистов, обходясь исключительно силами собственных кружков. Рабкоры, пришедшие насладиться «культурным отдыхом трудящихся» в столь передовом парке, остались недовольны: «В саду бывает грязно и выглядит он очень непривле-

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

кательно» [13]. Оказалось, наличие «трезвости» автоматически не рождает «культурность». Руководство парков делает очевидные выводы, а свердловские юнкоры продолжают негодовать: «В саду Уралпрофсовета 26/V касса торговала на 500 р., а буфет на — 700 руб. Во время выступления акробатов (за 7 дней) касса понесла убыток около 300 руб., а буфет заработал больше 300 рублей» [15].

От клубов и парков требуют активной агитационной деятельности, увеличения масштабов и количества проводимых культурных мероприятий, и при этом большая часть бюджета оставлена на самоокупаемость. Складывается противоречивая экономика культуры: продажа алкоголя в клубном или парковом буфете осуждается, но позволяет получить средства для реализации постановки пьес клубным театральным кружком, для покупки новых книг в библиотеку, приглашения литераторов на творческие встречи или смены обветшавших скамеек [подробнее см.: 20].

Центральный парк Свердловска: проект vs реализация

Критика культурной жизни свердловских парков журналистами газеты «На смену!», совпадает по времени с подготовкой открытия Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького в Москве. Его проект вызвал полемику, сконцентрировавшуюся вокруг выбора: «парк отдыха и культуры» или «парк культуры и отдыха». В итоге победил второй подход, его поддерживал нарком просвещения А. В. Луначарский, который обращал внимание на воспитательные функции парка и задачу повышения уровня культуры горожан. Отдых — в противовес увлечению алкоголем и азартными играми — должен был быть «разумным» и «интересным» [См.: 10, с. 93 – 97].

В первую пятилетку в СССР было создано свыше 60-ти крупных парков культуры и отдыха [3, с. 30]. Парки становились необходимым элементом благоустройства города¹ и представляли как «крупные комбинаты оздоровительной работы, развлечений и политико-просветительной деятельности» [12, с. 20]. Проекты московского и ленинградского центральных парков закрепляют цели паркового строительства: отвлекая от городских условий жизни, они должны были «сочетать свою широчайшую массовую культурно-политическую деятельность с задачами физического оздоровления тысяч посетителей» [29, с. 24]. Среди задач парков: теоретическое и практическое освоение науки и техники средствами технической пропаганды; укрепление обороноспособности СССР (осоавиахимовская и физкультурная работа); проведение «хозяйственно-политических и культурно-общественных компаний, мобилизующих массы на выполнение директив партии и правительства»; агитационно-пропагандистская работа, проясняющая «вопросы социалистического строительства СССР, вопросы международной классовой борьбы пролетариата» [28, с. 7 – 8]. Активный характер отдыха — усвоение новых знаний и работа над собственным телом — требует от горожанина мобилизации своих ресурсов, концентрации внимания. Парк по своей концепции не оставляет места расслабленному, созерцающему, погруженному в себя горожанину. В целом, проектировщики определяли парки как «сложные, высокоорганизованные культурно-политические комбинаты» [28, с. 7]. Сочетая пространства, различные по способу организации и представления и по тематическому наполнению, парк выстраивал систему вовлечения посетителей в новые городские

¹ XVII съезд ВКП(б) ставил одной из задач второй пятилетки «развёртывание работ по превращению сотен промышленных центров в благоустроенные города: строительство... парков культуры и отдыха, театров, клубов, кинотеатров» [29, с. 10].

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

формы жизни — захватывая их внимание и предлагая новый, культурно и политически выверенный ответ на привычные запросы к отдыху в парке.

Проект ЦПКиО в Свердловске, разработанный В. Д. Соколовым и А. М. Дукельским, отвечал обозначенным выше целям и задачам центральных парков и как один из наиболее показательных был опубликован в журнале «Архитектура СССР». Предлагалось разместить на 1440 гектарах парка несколько тематических секторов: ближе к входу — зрелищное ядро парка с аттракционами, вдоль аллей — выставочное пространство, сами аллеи приводят на поле массовых действий и в сектор оборонной работы; в глубине парка — летний театр и эстрада, территория тихого отдыха; вдоль берега реки — физкультурные площадки и отдых на воде, в наибольшем удалении от входа — обширное пространство для детского отдыха и оздоровления [12, с. 27]. Все вместе они должны были обеспечить отдых для 150 тыс. человек в день. Продвигаясь от «площади прибытия» по «магистралям» парка в его глубину посетитель тренирует свое эстетическое чувство, созерцая ясность и лаконичность планировки, наращивает политическую грамотность, ознакомляясь с выставками на злобу дня, может тренировать свое тело на физкультурных площадках и стрельбище, осваивать нормы городской культуры в театре, кино, на танцплощадке или буфете. Проект предполагал пространства для всех задач, ставившихся перед центральными парками, и в целом поддерживал образ, задаваемый идеологами: вероятно, пройдя несколько циклов «обработки» на таком «комбинате», недавний крестьянин мог трансформироваться в нового горожанина.

Создание ЦПКиО в Свердловске отвечает задаче унификации форм культурного производства в городах (по образцу Парка им. Горького), а также вписывается в намерение властей обновить облик городов. В 1933 году ЦИК и СНК СССР в постановлении «О составлении и утверждении проектов планировки и социалистической реконструкции городов и других населённых мест Союза ССР» предложили «предусматривать внутри населённого места, а также на его периферии, системы связанных между собой зелёных насаждений (парки культуры и отдыха, бульвары, скверы и т.п.) и охранных защитных зон» [6]. ЦПКиО установил в Свердловске жесткую иерархию паркового хозяйства – до начала тридцатых годов в городе существовало около десятка парков, ни один из них официально не являлся главным или общегородским (парки были связаны с заводами, клубами или районами города), между ними шла конкурентная борьба за лучшее обслуживание отдыхающих. В конце 1931 года было принято постановление «Об отчуждении от поселка Уктус территории лесов для расчистки под ПКиО». Весной 1932 года в газетах «Уральский рабочий» и «На смену!» появились публикации о строительстве «Парка 15-летия Уральского комсомола».

Открытие парка 18 июня 1933 года² было подробно описано в свердловской прессе [4]. По оценкам журналистов, в парке присутствовало 20 тысяч человек [1], с некоторых предприятий рабочие приходили организованными коллективам [19]. Для посетителей были организованы игры, гуляния, танцы под баян, пение большого импровизированного хора, катание на лодках к островам или к другому берегу пруда, можно было посетить читальни и столовую. Пресса подвергла критике столь традиционную (и не всегда гладкую) организацию отдыха горожан в новом парке: «трудящиеся Свердловска, отметив открытие парка культуры и отдыха как большее достижение Свердловска, в своих выступлениях дельно высекали бюрократов и безруких работников, виновных во всех этих неполадках», профсоюзные организации «не-

² Существует версия, что парк был открыт в мае 1933 года и тогда же получил имя В. В. Маяковского, что было приурочено к 40-летию поэта и 5-летию посещения им города [9, с. 640]. Однако свердловские журналисты 1933-1934 гг. не называют парк именем В. В. Маяковского.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

дооценили значения парка культуры и отдыха в жизни трудящихся Свердловска и ошиблись в своем гнилом расчете, что в парк никто не пойдет» [19]. Разработанный В. Д. Соколовым и А. М. Дукельским проект тематически организованного пространства, нагруженного задачами формирования новой городской культуры и советского субъекта, обернулся воспроизводством привычных для горожан форм отдыха в парке — только на новой территории.

Свердловский ЦПКиО проектировался как эталонный парк Урала, его называли «центральный для всего большого Свердловска и одновременно показательным парком Уральской области» [12, с. 27]³. 17 января 1934 года Уральская область была ликвидирована, финансирование Свердловска сократилось, строительство многих «столичных» объектов было свернуто или удешевлено. Также 1934 год стал переломным для советской архитектуры: происходит поворот от авангардной конструктивистской архитектуры к неоклассике⁴. Эти обстоятельства вместе обрекают проект свердловского ЦПКиО на забвение — он разработан для несуществующей административной единицы (Уральская область) и выполнен в потерявшем актуальность архитектурном стиле (конструктивизм). А. М. Дукельский сетует: «Обычная картина — проект, разработанный в достаточно сжатые сроки, долго ждет того момента когда он будет осуществляться. Этот разрыв крайне болезненно отражается на работе, так как создается впечатление, что многие проекты еще долго будут ждать своей очереди» [7, с. 13].

В этих условиях летом 1934 года парк мог предложить горожанам солнце, чистый воздух, сосны, пруд, танцевальную веранду и три аттракциона — то, что не требовало значительных финансовых затрат. Администрация ЦПКиО привлекала гостей привычной программой: посетители могли покататься на лодке, послушать артистов и самодеятельные коллективы, посетить «буфеты и ларьки с закуской и прохладительными напитками» [18]. Но также искала новые формы работы, например создала палаточный лагерь: «Каждый трудящийся, явившись в лагерь накануне выходного дня, может здесь переночевать, провести свободный день в парке и остаться на ночёвку до утра после выходного дня. Он получит койку с бельем, обед и ужин в столовой» [16, с. 7]. Однако по оценкам журналистов посетителей парка было так много, что предлагаемые формы досуга оказывались почти недоступными: на одного человека приходится одна тысячная часть лодки, на каждые 10.000 — один аттракцион [33, с. 7]. Материальное обеспечение парка не позволяло его администрации справляться с задачами по обеспечению культурной, просветительской, мобилизационной, общественной работы. В 1935 году в парке впервые был проведён праздник «Сабантуй», и это мероприятие станет традиционным⁵. В 1936 году была построена деревянная арка центрального входа, открыты кинотеатр и летний цирк — от первоначального проекта остались лишь разрозненные элементы.

Между тем, столичный ЦПКиО им. А. М. Горького задает все более высокую планку работы. Зимняя программа парка должна быть не менее насыщенной, чем летняя. Конькобежный и лыжный спорт, оборонная работа (на лекциях, практических занятиях по стрельбе или химобороне), массовые празднества и зрелища, приуроченные к знаменательным датам (день Сталинской конституции, день основания РККА), выставки, читальни, аттракционы и

3 Территории уральской области примерно соответствуют взятые вместе территории нынешних Свердловской, Тюменской, Челябинской, Курганской областей, Пермского края, ХМАО и ЯМАО.

4 Маркерами этого перехода становятся победа знакового для советской архитектуры проекта Дворца Советов Б. М. Иофана, В. А. Шуко и В. Г. Гельфрейха, а также строительство классицистского дома архитектора И. В. Жолтовского на Моховой, дом назван «гвоздём в гроб конструктивизма» [17, с. 29 – 36].

5 «Сабантуй» как традиция отмечен в позднесоветской публикации [2], и в постсоветской истории парка он организуется с регулярностью.

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

кино [30, с. 31 – 33] — всё это должно было обеспечивать бесперебойное, независимое от природных циклов парка производство новой городской культуры. Однако остается открытым вопрос, в случае если задача формирования советского субъекта через изменение порядков городской жизни оставалась значимым императивом на протяжении 1930-х, то какая помощь оказывалась региональным паркам в реализации этой задачи, как осмыслился и компенсировался разрыв между результатами их усилий и образцовыми порядками ЦПКиО Москвы.

Центральный парк как новый инструмент трансформации городской культуры задумывается как «культурно-политический комбинат», способный переработать негативные характеристики жителей новых советских городов и создать на выходе новую, позитивно сформулированную культуру.

Согласно идеям и проектам паркового строительства советский горожанин предстает в первую очередь политически сознательным, т.е. знающим ключевые полит-исторические события и способы их описания/трактовки, а также перманентно мобилизованным, готовым к коллективному действию.

Большие центральные парки устанавливали в городах иерархию паркового хозяйства, занимая его вершину. Пример Свердловска показывает, что клубы и связанные с ними парки 1920-х годов конкурировали между собой, ориентировались на запросы посетителей, члены клубов могли прямо влиять на политику администрации парков. То, что может быть названо камерностью и интимностью, вычеркивается из проектов больших центральных парков – они разрывают связи с клубными сообществами. Кроме того, ориентация на столичные стандарты, на массовость, праздничность и даже роскошь мероприятий, понижает степень самостоятельности руководства в определении парковой программы. Создается дистанция между парком и человеком, больше не имеющим возможности непосредственно влиять на жизнь парка, но одновременно посетитель становится потребителем новой культуры. Сложно сказать, многие ли посетители парка согласились бы поменять атмосферу торжественности и масштабности на возможность вернуть элементы самоуправления.

Производство культуры (как комплекса этикетных норм, политической грамотности и осведомленности в вопросах техники, спорта и широко понимаемого культурного наследия) путем организации активного отдыха, требующего мобилизации человеческих ресурсов, осознанной и заинтересованной вовлеченности посетителей в тщательно разработанные культурные события — идеалы, которых не удалось достичь в первые годы работы свердловского ЦПКиО. Его создание рассматривалось как важный шаг на пути преодоления пережитков прошлого — мещанских развлечений в парках, потребления удовольствий, расслабленности, зрительских прихотей. Однако, согласно свидетельствам о его работе, город получил большой, официально главный, но ещё один в ряду других парк отдыха и развлечений. Альтернативный сценарий масштабного производства нового горожанина в сложноорганизованном пространстве культурного комбината остался в проекте.

В первые годы после открытия свердловский ЦПКиО более эффективно справлялся с обеспечением отдыха на природе, чем с обеспечением разнообразной культурно-просветительской, политической, образовательной жизни горожан. Было ли это вызвано только срывом проекта строительства, потерей идеи тематической пространственной организации парка, недостатком квалифицированных сотрудников парка и методического обеспечения их труда или отсутствием налаженной системы трансфера технологий организации досуга в парке от

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН
СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

столицы к регионам – тема, которую ещё надлежит подробно изучать.

Библиография

1. 20 тысяч трудящихся Свердловска — на открытии парка культуры и отдыха // Уральский рабочий. 1933. 20 июня.
2. Александрова В. Зелёный цех отдыха // Вечерний Свердловск. 1983. 10 декабря.
3. Аранович Д. Планировка и архитектура парка культуры и отдыха // Архитектура СССР. 1934. № 5. — С. 30 – 37.
4. В 10 часов — открытие парка культуры и отдыха // Уральский рабочий. 1933. 18 июля.
5. Волков В. Концепция культурности, 1935-1938 годы: советская цивилизация и повседневность сталинского времени // Социологический журнал. 1996. № 1-2. — С. 194 – 213.
6. Гольдберг Ю. Б. Отдых в парке. Из опыта работы парков РСФСР. — М.: Советская Россия, 1958. — 79 с.
7. Дукельский А. М. Внимание качеству // Опыт стройки. 1934. № 12. — С. 13.
8. Екатеринбург. Наследие конструктивизма / науч. ред.: А. А. Стариков; отв. ред.: Е. В. Штубова. — Екатеринбург: Независимый ин-т истории материальной культуры, 2009. — 159 с.
9. Екатеринбург. Энциклопедия. — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — 728 с.
10. Кухер К. Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928-1941. — М.: РОССПЭН, 2012. — 350 с.
11. Лангет соус пикан // На смену! 1928. 24 июня.
12. Лунц Л. Парки культуры и отдыха городов-новостроек // Архитектура СССР. 1934. № 5. — С. 20 – 29.
13. На прочных рельсах // На смену! 1928. 20 июля.
14. Обсуждаем работу сада коммунальников им. Томского // На смену! 1928. 1 июля.
15. Пиво или культработа? // На смену! 1928. 18 июля.
16. Палаточный город // Уральский рабочий. 1934. 12 июля.
17. Паперный В. Культура Два. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 383 с.
18. Парк ждёт гостей // На смену. 1934. 6 июня.
19. Парк культуры и отдыха сделать образцовым // Уральский рабочий. 1933. 21 июня.
20. Рабинович Е. И. Градус экономики советской культуры: антиалкогольная кампания 1928/29 годов в парках Свердловска // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия: материалы Международной научной конференции (X Колосницынские чтения), 24 апреля 2015 года. — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. — С. 305 – 312.
21. Работу ВИЗ'овского сада — на обсуждение масс // На смену! 1928. 4 июля.
22. «Розы» и «лопухи» в саду Уралпрофсовета // На смену! 1928. 28 июня.
23. Сад им. Подбельского // На смену! 1928. 7 июля.
24. Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929-1930 год. — Свердловск: издание Свердловского Горсовета, 1929. — 592 с.
25. Свердловск — столица Урала. Справочник-путеводитель на 1925 год. — Екатеринбург: Уралкнига, 1924. — 230 с.
26. «У двух нянек дитя без глазу» // На смену! 1928. 20 июля.
27. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. — М.: РОССПЭН, 2008. — 336 с.
28. Центральный парк культуры и отдыха в Ленинграде. Материалы к составлению генерального плана. — Л.: Издание управления дворцами и парками Ленсовета, 1933. — 136 с.
29. Центральный парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова. — Л.: Управление дворцами и парками Ленсовета, 1934. — 72 с.
30. Центральный Парк Культуры и Отдыха им. А. М. Горького. Справочник. Зима 1939 – 1940 г. — М.,

1939. — 40 с.

31. Что выявил наш смотр? // На смену! 1928. 10 августа.

32. Шлегель К. Возвращение европейских городов // Отечественные записки. 2012. № 3 (48). — С. 288 – 304.

33. Это — парк? // Уральский рабочий. 1934. 8 июля.

References

1. 20 tysiach trudiashchikhsia Sverdlovska — na otkrytii parka kul'tury i otdykha // Ural'skii rabochii. 1933. 20 iiunia.
2. Aleksandrova V. Zelenyi tsekh otdykha // Vechernii Sverdlovsk. 1983. 10 dekabria.
3. Aranovich D. Planirovka i arkhitektura parka kul'tury i otdykha // Arkhitektura SSSR. 1934. № 5. — S. 30 – 37.
4. V 10 chasov — otkrytie parka kul'tury i otdykha // Ural'skii rabochii. 1933. 18 iiulia.
5. Volkov V. Kontsepsiia kul'turnosti, 1935-1938 gody: sovetskaia tsivilizatsiia i povsednevnost' stalinskogo vremeni // Sotsiologicheskii zhurnal. 1996. № 1-2. — S. 194 – 213.
6. Gol'dberg Iu. B. Otdykh v parke. Iz opyta raboty parkov RSFSR. — M.: Sovetskaia Rossiia, 1958. — 79 s.
7. Dukel'skii A. M. Vnimanie kachestvu // Opyt stroiki. 1934. № 12. — S. 13.
8. Yekaterinburg. Nasledie konstruktivizma / nauch. red.: A. A. Starikov; otv. red.: E. V. Shtubova. — Yekaterinburg: Nezavisimyi in-t istorii material'noi kul'tury, 2009. — 159 s.
9. Yekaterinburg. Entsiklopediia. — Yekaterinburg: Akademkniga, 2002. — 728 s.
10. Kukher K. Park Gor'kogo. Kul'tura dosuga v stalinskuiu epokhu. 1928-1941. — M.: ROSSPEN, 2012. — 350 s.
11. Langet sous pikan // Na smenu! 1928. 24 iiunia.
12. Lunts L. Parki kul'tury i otdykha gorodov-novostroek // Arkhitektura SSSR. 1934. № 5. — S. 20 – 29.
13. Na prochnykh rel'sakh // Na smenu! 1928. 20 iiulia.
14. Obsuzhdaem rabotu sada kommunal'nikov im. Tomskogo // Na smenu! 1928. 1 iiulia.
15. Pivo ili kul'trabota? // Na smenu! 1928. 18 iiulia.
16. Palatochnyi gorod // Ural'skii rabochii. 1934. 12 iiulia.
17. Papernyi V. Kul'tura Dva. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. — 383 s.
18. Park zhdet gostei // Na smenu. 1934. 6 iiunia.
19. Park kul'tury i otdykha sdelat' obraztsovym // Ural'skii rabochii. 1933. 21 iiunia.
20. Rabinovich E. I. Gradus ekonomiki sovetskoii kul'tury: antialkogol'naia kampaniia 1928/29 godov v parkakh Sverdlovska // Sovetskii sotsiokul'turnyi proekt: istoricheskii shans ili global'naia antiutopiia: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (X Kolosnitsynskie chteniia), 24 apreliia 2015 goda. — Yekaterinburg: Gumanitarnyi universitet, 2015. — S. 305 – 312.
21. Rabotu VIZ'ovskogo sada — na obsuzhdenie mass // Na smenu! 1928. 4 iiulia.
22. "Rozy' i "lopukhi' v sadu Uralprofsoвета // Na smenu! 1928. 28 iiunia.
23. Sad im. Podbel'skogo // Na smenu! 1928. 7 iiulia.
24. Sverdlovsk. Spravochnik-putevoditel' na 1929-1930 god. — Sverdlovsk: izdanie Sverdlovskogo Gorsoвета, 1929. — 592 s.
25. Sverdlovsk — stolitsa Urala. Spravochnik-putevoditel' na 1925 god. — Yekaterinburg: Uralkniga, 1924. — 230 s.
26. "U dvukh nianek ditia bez glazu' // Na smenu! 1928. 20 iiulia.
27. Fitspatrik Sh. Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naia istoriia Sovetskoii Rossii v 30-e gody: gorod. 2-e izd. — M.: ROSSPEN, 2008. — 336 s.
28. Tsentral'nyi park kul'tury i otdykha v Leningrade. Materialy k sostavleniiu general'nogo plana. — L.: Izdanie upravleniia dvortsami i parkami Lensoвета, 1933. — 136 s.
29. Tsentral'nyi park kul'tury i otdykha im. S. M. Kirova. — L.: Upravlenie dvortsami i parkami Lensoвета,

ОБЩЕ-ЖИТИЕ: ФЕНОМЕН СУЩЕСТВОВАНИЯ В ОБЩИХ МЕСТАХ

1934. — 72 s.

30. Tsentral'nyi Park Kul'tury i Otdykha im. A. M. Gor'kogo. Spravochnik. Zima 1939 – 1940 g. — M., 1939. — 40 s.

31. Chto vyiavil nash smotr? // Na smenu! 1928. 10 avgusta.

32. Shlegel' K. Vozvrashchenie evropeiskikh gorodov // Otechestvennye zapiski. 2012. № 3 (48). — S. 288 – 304.

33. Eto — park? // Ural'skii rabochii. 1934. 8 iiulia.